Текст · 2 апреля 2021, 07:02
Анна Козкина,

«Они меня даже приглашать не будут». В общественной палате Москвы обсудят исключение Марины Литвинович из ОНК

Одна из самых активных участниц общественной наблюдательной комиссии (ОНК) Москвы Марина Литвинович сообщила, что в городской Общественной палате сегодня обсудят ее исключение из ОНК; окончательное решение позже примет совет палаты. «Медиазона» поговорила с наблюдательницей о ее работе в комиссии и обвинениях в «политизации» этого органа.

Общественная наблюдательная комиссия[1] Москвы проголосовала за исключение Марины Литвинович вечером 5 марта. Вопрос на голосование поставил заместитель председателя ОНК по взаимодействию с МВД Николай Зуев. 22 человека проголосовали за исключение, семеро — против, трое воздержались.

Как уточнила Литвинович, Зуев счел, что она «разгласила данные следствия» по делу Любови Соболь и тем самым нарушила федеральный закон «Об общественном контроле». В декабре Литвинович рассказала на фейсбуке о посещении Соболь в ИВС на Петровке, а телеканал «Дождь» взял у нее интервью по зуму. Наблюдательница, в частности, сообщила, что соратницу Навального допрашивали ночью, что очную ставку с тещей Константина Кудрявцева[2] провели поздно вечером — около 22:00[3], а следователи

изъяли защитную маску Соболь, чтобы получить образец ДНК для экспертизы.

Через день после голосования на сайте ОНК появился официальный комментарий: на Литвинович якобы уже поступали жалобы от «граждан, адвокатов <...> и органов власти». Коллеги по комиссии обвиняли ее в разглашении данных следствия, распространении недостоверной информации и «намеренной политизации института общественного наблюдения, который в базовых своих основаниях — правозащитный и потому находящийся вне политики».

Кроме того, в заявлении ОНК упоминалось предупреждение, которое Литвинович получила ранее: «Марина Алексеевна в своих публичных комментариях манипулирует общественным мнением, намекая на политизированное решение в отношении ее персоны, однако, например, умалчивает о своем предыдущем нарушении, которое связано с навязыванием адвоката гражданину, обвиняемому в государственной измене». Сама Литвинович рассказывала об этой ситуации несколько иначе: арестованный по делу о госизмене пожилой ученый во время визита наблюдателей в СИЗО «Лефортово» попросил найти ему адвоката, но его сын отказался от предложенного Литвинович защитника из «Команды 29», обвинил ее в давлении и написал жалобу.

Когда совет Общественной палаты рассмотрит вопрос об исключении Литвинович из ОНК, до сих пор неизвестно, но наблюдательнице уже сообщили, что участвовать в заседании она не сможет.

«Они меня даже приглашать не будут, что для меня, конечно, нонсенс, потому что, получается, мне не дают возможности защитить себя и представить свою позицию. Это странно для общественного органа, где все должно быть открыто», — удивляется Литвинович.

Она находит претензии ОНК надуманными: жалобы от следователя на разглашение данных в комиссию не поступало, подписку о неразглашении с нее не брали, а нарушение в ее действиях усмотрел лишь Зуев.

«Он сам инициировал это разбирательство, что само по себе уникальный случай. К нам в комиссию иногда приходят какие-то обращения, жалобы — например от родственников заключенных или руководства следственных изоляторов — мы их обсуждаем. Но ситуация, при которой жалоба была написана одним из членов комиссии на другого члена комиссии, это вообще беспрецедентно, — недоумевает Литвинович. — Я сопротивляюсь этому решению и буду оспаривать его в любом случае в дальнейшем. Если Общественная палата решит все-таки меня исключить, я буду судиться».

Слова о политизации общественного наблюдения Литвинович называет глупостью и настаивает, что, работая в ОНК, она «всего лишь говорит о нарушении закона в отношении того или иного заключенного или арестованного».

«В нашей работе невозможно не "политизировать". Система ФСИН очень закрыта, и общество очень мало знает о том, что происходит внутри. И задача ОНК — рассказывать обществу о том, что происходит внутри и какие там есть проблемы. Потому что, в общем-то, система исполнения наказаний — она от лица общества создается и в идеале призвана общество защищать, — рассуждает наблюдательница. — Люди должны знать, что от их имени там делают. Если людей в местах лишения свободы бьют, насилуют, пытают — это же все делается от имени общества. Это делают люди, которые говорят: вот общество нам поручило вас перевоспитывать или вас посадить. Это же все вещи взаимосвязанные. И общество должно знать, что там происходит от нашего имени».

Как полагает Литвинович, ее исключение может стать первым шагом к зачистке комиссии от независимых наблюдателей.

В 2012 году из ОНК по Башкортостану исключили одну из самых активных правозащитниц региона Альмиру Жукову — республиканское УФСИН пожаловалось на нее в Общественную палату России, обвинив в распространении «недостоверной информации, порочащей уголовно-исполнительную систему».

> На практике процедура исключения из ОНК применяется редко, куда чаще независимых наблюдателей просто не включают в списки кандидатов, когда Общественная палата раз в три года утверждает новый состав комисии. Так произошло, например, с петербургскими наблюдательницами Яной Теплицкой и Екатериной Косаревской, предавшими огласке факт пыток подозреваемых по «пензенскому делу».

«Когда заседание было 5 марта, там, помимо вопроса о моем исключении, рассматривали вопрос и хотели вынести предупреждение [журналистке] Еве Меркачевой — претензия к ней была уж совсем слабая, и ее отбили, слава богу. Зато вынесли другой правозащитнице, очень известной, [главе фонда "Социальное партнерство"] Любови Волковой — ей вынесли предупреждение. И, конечно, предупреждение — это первый шаг к исключению. На втором-третьем шаге их уже могут исключить. Поэтому мне кажется, что я первая ласточка и там за мной могут последовать остальные, если мы меня сейчас не отобьем. Надо следить за их судьбой, чтобы их по одному не зачистили после меня», — призывает Литвинович.

Что мы узнали благодаря ОНК

Институт общественных наблюдательных комиссий появился в России при президенте Дмитрии Медведеве — летом 2008 года. Власти с самого начала стремились контролировать деятельность

ОНК, делегируя в комисии ветеранов силовых структур и общественников-лоялистов.

Темой для широкого обсуждения в прессе эта практика стала лишь в 2013 году, когда выборы председателя московской ОНК обернулись ее расколом: старый глава комиссии правозащитник Валерий Борщев публично обвинял своего преемника — лидера организации «Офицеры России» и члена общественного совета при столичном ГУ МВД Антона Цветкова — в намерении провести в комиссию близких к силовикам людей и превратить ее работу «в профанацию, мистификацию и чистой воды обман». Однако, как показала практика, даже оставаясь в меньшистве, независимые наблюдатели способны эффективно решать основную задачу ОНК — привлекать внимание к ситуации с правами человека в местах принудительного содержания.

Одним из самых громких инцидентов, получивших огласку благодаря ОНК, стала гибель юриста *Hermitage Capital* Сергея Магнитского в СИЗО «Матросская тишина» 16 ноября 2009 года. Члены московской ОНК посетили изолятор уже на следующий день после случившегося, комиссия провела собственное расследование. Его участниками стали Валерий Борщев, журналистка Зоя Светова и Любовь Волкова.

В своем отчете они подробно рассказывали об условиях содержания Магнитского под стражей — его переводили из «Бутырки» в «Матросскую тишину» и обратно, а жалобы на состояние здоровья игнорировали. Вечером 16 ноября, когда Магнитскому стало плохо, ему вызвали скорую

помощь, но врачей к арестанту пустили только через час, когда он уже был мертв. В итоге медики СИЗО «Бутырка», в котором Магнитский провел большую часть ареста, стали фигурантами уголовного дела. Кроме того, наблюдатели одними из первых выдвинули версию о том, что перед смертью Магнитского избили резиновой дубинкой. «Мы считаем, что те документы, которые у нас есть, свидетельствуют о том, что избиение, применение резиновой палки было абсолютно неправомерно и с этим надо серьезно разбираться, потому что смерть наступила именно в результате избиения», — говорил Борщев на пресс-конференции в 2011 году. Впрочем, уголовных дел в отношении работников СИЗО за публикацией доклада правозащитников не последовало.

Благодаря челябинской ОНК в ноябре 2012 года получил широкую огласку бунт в копейской колонии №6. До этого члены ОНК уже сообщали о пытках и поборах в этой колонии.

В 2018 году Яна Теплицкая и Екатерина Косаревская из петербургской комиссии первыми обнародовали сообщение о пытках антифашиста Виктора Филинкова. Именно свидетельства о пытках током привлекли внимание к делу о «террористическом сообществе "Сеть"». Позже выяснилось, что пензенские фигуранты этого дела подвергались пыткам за несколько месяцев до Филинкова, но в регионе иная ситуация с ОНК — их травмы не были зафиксированы наблюдателями.

Благодаря визитам членов ОНК в СИЗО «Лефортово» становится известно об арестованных по делам

о госизмене и шпионаже; для фигурантов засекреченных дел, которые расследует ФСБ, такие посещения — единственный канал связи с внешним миром.

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Полное название этого органа — общественная наблюдательная комиссия по общественному контролю за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания.
2. Сотрудник ФСБ и предполагаемый участник покушения на Навального, Соболь обвиняется в незаконном проникновении в его квартиру (часть 2 статьи 139 УК).
3. Статья 164 УКП запрещает следственные действия в ночное время, кроме не терпящих отлагательства. Согласно статье 5 УПК, ночное время наступает как раз в 22:00.